

Лян Цзивэнь и старший дядя Лян с братьями шли впереди, расправляясь с тринадцатью наблюдателями, один за другим сбивая их с ног. Чжань Цзюцзян и четверо детей шли сзади, связывая пленников веревками. После нескольких дней тренировок их сила хоть и выросла незначительно, но слаженность действий стала высокой. Они работали быстро и ловко: часто они успевали связать пленника раньше, чем старший дядя Лян отправлял следующего противника в нокаут. Хотя скорость Лян Цзивэня была велика, никто не решался искать с ним неприятностей!

Когда добрались до въезда в деревню, там уже кипела жестокая схватка. У больших камней на обочине лежало немало людей. Это было их негласным правилом: тех, кто укрывался в зоне перемирия, трогать нельзя. Если бы кто-нибудь осмелился снова их ранить, это стало бы делом, непримиримым для всей деревни.

Несмотря на горячий нрав жителей Лянли, численное и физическое превосходство было на стороне противника. Две трети людей в зоне перемирия были из их деревни. Видя перед собой хаос битвы, семья Лян пришла в ярость. Третий дядя Лян, обычно самый спокойный, сегодня первым ринулся в бой, а Лян Цзивэнь последовал его примеру.

Как только семья Лян вступила в сражение, точнее, как только в него вмешался Лян Цзивэнь, ситуация мгновенно изменилась. Репутация Лян Цзивэня как живого оружия была известна всем присутствующим. Страх ослабил боевой дух врагов, а когда Лян Цзивэнь начал методично вырубать их, чаша весов сразу же склонилась в его сторону.

Командир отряда заметил дедушку Лян. Он пнул одного невнимательного бойца, схватил две палки и отступил с поля боя.

— Чжихуа, вам не следовало приходить, — произнес он, и по его загорелому, грубому лицу скатились две мутные слезы.

Дедушка Лян собрался было ответить старому другу теплыми словами, как вдруг услышал громкий голос своего тестя:

— Стоп! Все стоп! Председатель приехал!

На поле боя на две секунды повисла тишина, а затем все, как один, опустились на колени. Лян Цзивэнь тоже опешил, его разум был в замешательстве. Как Председатель оказался здесь? Он был не единственным, кого посетила эта мысль. Почти все подумали то же самое. Вся площадь была усеяна коленопреклоненными людьми, только Лян Цзивэнь и пятеро маленьких детей оставались стоять. Чжань Цзюцзяна уже силой усадил на колени его дед, заставив последовать общему примеру. Остальные дети, неважно, знали они их или нет, свои это или чужие, поспешили стащить всех стоящих вниз. Лян Цзивэня заставили опуститься на колени человек из вражеского лагеря.

Слова дедушки Лян прозвучали как гром среди ясного неба, сильно напугав всех. Люди стояли на коленях, переполненные страхом и одновременно радостью, ждали появления великого лидера. Они изо всех сил смотрели вверх, но, кроме дедушки Лян, никого не видели. В момент недоумения они услышали, как дедушка Лян печальным голосом произнес:

— Извините, в горячке оговорился!

Цюй Хэ широко распахнул глаза, от гнева они, казалось, сейчас вылезут из орбит. Он уже собрался вскочить и наброситься на обманщика, как снова услышал голос дедушки Лян:

— Председатель очень занят государственными делами, у него нет времени приезжать сюда, так что он прислал письмо.

Сначала все разочаровались, а затем снова пришли в удивление. Они опустили головы вниз, ожидая, что дедушка Лян зачитает «императорский указ».

И ведь правда оно было как указ! После основания Нового Китая говорили о реформах, но во многих местах, особенно в таких бедных и отсталых деревнях, как их, далеко от больших городов, мышление и обычаи менялись не сразу. Для них Председатель был прежним императором, а письмо императора — что это, как не указ?

Дедушка Лян осторожно вскрыл конверт, выпрямился и громко произнес:

— Это письмо адресовано маленькому товарищу Лян Тин! Прошу всех встать и соблюдать тишину. Пусть маленький товарищ Лян Тин зачитает это письмо!

Все были настолько потрясены, что лишились дара речи. Через мгновение раздался гул. Командиру отряда пришлось встать, чтобы восстановить порядок. Дедушка Лян тоже закричал во весь голос:

— Вставайте все скорее! Сейчас уже не старое общество, поклоны не в чести. Если бы Председатель действительно приехал, можно было бы попасть в неловкое положение!

Некоторое время ситуация была накалена, но через десять минут все наконец успокоились. И стар, и млад серьезно раскрывали глаза и наостряли уши, готовясь слушать наставления Председателя.

Лян Тин была так взволнована, что лицо ее покраснело. Она была смелой девчонкой, никогда не терялась и даже выступала перед сотнями людей как представительница студентов. Но ни одна честь не сравнивалась с той, что выпала ей сегодня. Хотя она и писала письмо Председателю, она вовсе не рассчитывала, что он ей ответит.

— Дорогой маленький товарищ Лян Тин!

— Здравствуйте!

— Я очень рад получить твое письмо... — Лян Тин вкладывала в чтение все свои чувства, громко и отчетливо зачитывая письмо Председателя. Перед ней были сотни блестящих глаз. Она читала искренне, и в самые трогательные моменты ей хотелось плакать. Но она добросовестно старалась не вносить свои эмоции в чтение, сдерживая бурю в душе, пока не дочитала письмо длиной более двух тысяч иероглифов до конца.

Когда она дошла до даты «13 марта 1959 года», она наконец не выдержала. Слезы, как жемчужины, сорвавшиеся с нити, затрещали градом.

— Ма-а-ам! Председатель вступился за нами! — Много дней терпения и страха вырвались наружу в этот момент. Плакала не только Лян Тин, Лян Сысы и Лян Цзию уже рыдали, уткнувшись в грудь старой тети Лян. Как только Лян Тин разрыдалась, многие другие последовали ее примеру. Они плакали от радости за то, что несправедливость по отношению к семье Лян была устранена, и от того, что Председатель не забыл о них, живущих в этой горной глуши.

Цюй Хэ и его люди тоже проливали реки слез, но не от умиления, а от страха. Хотя в письме

Председателя прямо не говорилось, что он на стороне семьи Лян, он упомянул, что скоро приедет специальный чиновник для расследования. А кто знал лучше Цюй Хэ, как обстоят дела на самом деле? Сквозь слезы он взглянул в сторону Лян Цзивэня и как раз встретился с ним взглядом. Хотя на лице Лян Цзивэня не было ни выражения, ни эмоции, Цюй Хэ дрожал от ужаса.

Боялся ли Цюй Хэ? Конечно. Теперь, стоило ему подумать о Лян Цзивэне, у него начинали дрожать конечности. Он судил по себе: сейчас семья Лян была в самом низу. Но если они восстановят силы, он не смеет и представить, что Лян Цзивэнь придумает, чтобы его мучить. В сердце его царил страх и паника, но разум подсказывал: нужно воспользоваться этим шансом, чтобы раз и навсегда покончить с угрозой.

Цюй Хэ думал, что все будет хорошо, но события развивались так же, как в тот вечер на шестнадцатый день первого месяца по лунному календарю. Он думал, что сможет легко добиться всего, чего захочет, благодаря положению своей семьи. В итоге его жестоко избили, и он сбежал домой с позором. Он придумал план жестокой мести, но снова потерпел поражение. Он не понимал, почему после встречи с Лян Цзивэнем его удача пошла по наклонной, но он даже не осмеливался питать злобные мысли. Он боялся, что Лян Цзивэнь снова придет его наказывать.

С письмом от Председателя жители деревни Лянли наконец-то выпрямились, а люди Цюй Хэ были с позором прогнаны прочь.

— Лян Цзивэнь, — Чжань Цзюцзян смотрел на него с блеском в глазах, на его лице еще блестели слезы.

Лян Цзивэнь взял его за руку и медленно отвел в сторону, вглубь толпы. Семью Лян и дедушку Чжана торжественно провожали домой. Многие хотели увидеть подлинное письмо Председателя собственными глазами, но Лян Тин берегла его как зеницу ока и позволяла лишь издали посмотреть. Лян Сысы тоже завидовала, но Лян Тин оберегала письмо, позволяя сестре лишь внимательно рассмотреть его.

Они шли позади всех на небольшом расстоянии, молча. Уже были видны ворота дома Лян, когда Чжань Цзюцзян снова заговорил:

— Если бы я раньше тоже написал письмо, как было бы хорошо... — голос его был низким, в нем слышалась печаль. Затем он обернулся к Лян Цзивэню, слабо улыбнулся и тихо добавил:

— Но тогда я бы не встретил тебя.

Лян Цзивэнь пристально смотрел на него. Зимнее солнце светило на него, даря тепло сердцу. Он ничего не сказал, только свободной рукой повернул голову Чжань Цзюцзяна к себе и, обняв, повел домой.

«Глупый ребенок. Если цена встречи — это боль, я бы предпочел, чтобы ты никогда меня не встречал».